

Рост структур организованного насилия и типы контроля над ними*

Николай Розов

Доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения РАН, профессор кафедры международных отношений Новосибирского государственного технического университета

Адрес: ул. Николаева, д. 8, Новосибирск, Российская Федерация 630090

E-mail: nrozov@gmail.com

Макроисторические изменения практик и структур организованного насилия (далее — силовых) имеют свои закономерности, требующие теоретического анализа. Показано, что неуклонный рост и развитие этих структур определены главными трендами социальной эволюции: демографическим ростом, расширением и усложнением политий, развитием технологий и оружия. Рассмотрены внутренние механизмы как цикличности, так и направленности, необратимости этих изменений. Практики организованного насилия существенно менялись, причем многие неприемлемые сегодня были в свое время обычными, общественно одобряемыми и даже обязательными. Сформулированы гипотетические принципы складывания, распространения и прекращения таких практик, что всегда связано с характером и итогами политической борьбы, а также со сменой мировоззрений, прежде всего моральных, социальных и политических ценностей, соответствующих нормативных принципов. Неизбежные издержки роста силовых структур определяются прежде всего возможностью обретения их лидерами политической субъектности, претензиями на власть, что чревато заговорами, мятежами и подобными явлениями, подрывающими социальную и политическую стабильность. Эти издержки порождают заботы правителей и элит по контролю над силовыми структурами. Описаны в качестве «идеальных типов» три формы такого контроля: патримониально-харизматический контроль, основанный на эмоциональной приверженности правителю, конфликтно-репрессивный контроль со стратегиями типа «разделяй и властвуй» и бюрократический контроль, предполагающий подчиненность формальным правилам. Последний тип включает две версии: с опорой на принцип власти и на принцип права. Рассмотрены социальные и ментальные основы, поддерживающие верховенство права в институтах, организациях государственного насилия.

Ключевые слова: организованное насилие, силовые структуры, социальная эволюция, практики насилия, контроль над силовыми структурами, бюрократия, патримония, харизма, верховенство права

Мегатренды расширения и усложнения контроля над насилием в мировой истории

Самыми очевидными и зримыми трендами социальной эволюции являются: 1) демографический рост, 2) технологическое развитие, 3) территориальное расширение и усложнение политических, экономических и культурных целостностей (с известного времени — государств).

* Работа опубликована при поддержке Программы «Университетское партнерство».

Разумеется, неоднократно имели место периоды депопуляции в отдельных мировых регионах (из-за пандемий типа «Черной чумы», больших затяжных войн, масштабных бедствий), но общий рост мирового населения продолжался, особенно ускоряясь в последнее столетие. В более богатых, развитых обществах наблюдается замедление, даже некоторая убыль населения, но в глобальном плане тенденция не меняется².

Тезис о технологическом развитии в обосновании не нуждается. Нужно только добавить, что это касается не только устройств для улучшения мирной жизни, средств их производства, но также вооружения и военных технологий как средств убийства и разрушения (Додни, 2003).

Несмотря на множественные распады крупных государств, от первых объединений племен, деревень, вожеств, от первых государств и до XX века продолжался рост контролируемой площади политиями — сообществами со своей организованной вооруженной силой. Наиболее обширными были территориальные, а затем и морские (колониальные) империи (Münkler, 2007). Крупнейшие империи в результате двух мировых войн и итогов холодной войны распались, однако по сию пору остается значительное количество обширных, в том числе весьма густонаселенных государств (Китай, Индия, США, Индонезия, Пакистан, Бразилия, Нигерия, Россия, Мексика и др.), большинству из которых никакой распад не угрожает.

Не подлежит сомнению также неуклонное усложнение внутренних и международных порядков на протяжении всей мировой истории, что многократно было зафиксировано даже для «традиционных» (домодерных) обществ (Carneiro, 1970; Turchin et al., 2022). Известные процессы модернизации (с начала XVI века), тем более глобализации (особенно интенсивные с конца XX века) прежде всего включают рост сложности: увеличение разнообразия элементов, структур, связей, механизмов функционирования, обновления и проч.

Главным принципом структурирования современных обществ остается разделенность на государства (почти все они — члены ООН). Несмотря на спорадические кризисы с разрушением привычной жизни и локальными всполохами, даже анклавами социального хаоса, следует признать, что в большинстве обществ некие социальные порядки, включающие контроль над насилием, в какой-то мере поддерживаются. Вспыхивающие международные и гражданские войны (как бы они ни назывались) нарушают мирные порядки, но сами представляют собой особые — конфликтные — и неплохо изученные порядки вооруженной борьбы.

Учтем все эти утверждения в качестве предпосылок и зафиксируем следующие тезисы (Норт, Уоллис, Вайнгаст, 2011):

2. «Население мира продолжает расти, но темпы роста замедляются [...] Согласно последним прогнозам Организации Объединенных Наций, население планеты может вырасти до 8,5 миллиарда человек в 2030 году, 9,7 миллиарда в 2050 году и 10,4 миллиарда в 2100 году. Рост численности населения отчасти вызван снижением уровня смертности, что отражается в увеличении уровня ожидаемой продолжительности жизни при рождении» (World Population Prospects... 2022).

- Любой порядок в человеческих сообществах продолжается лишь постольку и до тех пор, пока люди выполняют некие правила (нормы) взаимодействия: обычные, моральные, религиозные, правовые, институциональные, организационные или какие-либо еще.
- Наиболее значимые для каждого порядка правила (обычно связанные с насилием, властью, иерархиями, собственностью, доступом к ресурсам, доступом к людям, родством) выполняются не только благодаря внутреннему (ментальному) контролю, но также поддерживаются внешним социальным контролем, включающим наказания за нарушения, а также применение прямого физического насилия при неподчинении³.
- Чем более географически обширной, демографически крупной и структурно сложной является социальная целостность (государство, союз, макро-регион), чем более унифицированы в ней порядки (в том числе кодексы правил), чем опаснее становится известное и доступное людям оружие и чем слабее внутренний ментальный контроль индивидов и групп, тем более крупной и сложно организованной должна быть система или совокупность структур организованного насилия (далее — силовых структур), для того чтобы в этих условиях обеспечивать порядки и соблюдение правил в данной целостности и в ее частях.

Совместив три предпосылки роста с этими принципами, выводим логически неуклонный рост силовых структур (армий, полиции и внутренних войск, спецслужб) на протяжении всей мировой истории.

Действительно, в каждой новой фазе социальной эволюции росла численность армий (ван Кревельд, 2006; Мак-Нил, 2008). Эти процессы ускорялись с каждым этапом военной революции (Parker, 1988; Downing, 1992). Разделялись рода войск, росла штабная бюрократия, усложнялись внутренние связи, более длительной становилась профессиональная подготовка военных (Коллинз, 2015; Malešević, 2017). Тенденции увеличения масштабов не нарушались даже при некотором сокращении численности армий, поскольку совершенствовались вооружения, средства связи и координации, способы организации и ресурсного обеспечения.

Возрастал контроль над индивидуальным насилием через развитие жандармерии, полиции, милиции (все они выросли из личных охранных гвардий правителей). В XVIII веке в Западной Европе стали строиться «полицейские государства», в которых полиция отвечала за детальную регуляцию поведения граждан ради достижения «общего блага» (Раев, 2000; Филиппов, 2011). После Наполеоновских войн функции полиции сузились до привычных нам поддержания внутреннего порядка, борьбы с преступностью, однако полицейские структуры продолжали расти в количественном отношении, разветвлялись как часть общей бюрократизации государств.

3. «Социальный порядок является необходимой предпосылкой для сдерживания насилия; насилие является необходимой предпосылкой для поддержания социального порядка» (Popitz, 1992: 63).

С начала XIX века охота за шпионами, противодействие заговорам, подрывной, революционной деятельности вели к значительному росту структур тайной полиции. В дальнейшем этот тренд только нарастал. Обе мировые войны стали мощными толчками в развитии шифрования и дешифровки, защиты секретных материалов, структур разведки и контрразведки, прочих специальных служб. Новые средства коммуникации, возможности Интернета, другие тренды глобализации способствовали появлению и развитию международного терроризма, а для борьбы с ним создаются, растут, объединяются национальные и региональные антитеррористические структуры.

В любом случае, при прочих равных сложность и эффективность силовых структур с необходимостью росли, чтобы обеспечивать порядок контроля над насилием и выполнением правил при укрупнении, усложнении подведомственных социальных целостностей. Фактический тренд роста масштабов и эффективности силовых структур (несмотря на частные провалы) соответствует логически выведенному тезису, а значит, делает более правдоподобными социологические принципы, которые использовались при этом выводе.

Тренды и циклы в международных порядках геополитики

Рост размеров армий, развитие вооружений и военной организации всегда имеют множество побочных следствий (Мак-Нил, 2008; Тилли, 2009). Рассмотрим эффекты для международных порядков, которые задаются двусторонними и многосторонними договорами, альянсами, системами безопасности, в той или иной мере выполняющимися правовыми нормами.

С одной стороны, вооруженность государств, их включенность в оборонительные альянсы блокирует агрессивные намерения, поэтому способна приводить к относительно долгим мирным периодам, по крайней мере, в отдельных макрорегионах и геополитических ойкуменах. С другой стороны, неизбежные дисбалансы могущества, кризисы, ослабляющие отдельные государства или оборонительные альянсы, служат вызовами-возможностями (соблазнами) для потенциальных агрессоров. Сюда следует добавить эффект снижения спроса на порядок при долгом мире, когда затраты на вооружения перестают считаться необходимыми и сокращаются, что ведет к ослаблению отдельных звеньев, а это готовы использовать для своей агрессии державы-претенденты (challengers) (Модельски, 2003).

Вспыхивающие войны вполне закономерно ведут к росту спроса на порядок, а значит, к предложению порядка — дальнейшему развитию военной силы, складыванию новых коалиций и систем безопасности.

Таким образом, глобальная динамика развития военной организации включает цикличность (волны усиления, концентрации и ослабления, деконцентрации), а также «храповый механизм» неуклонного увеличения масштабов, сложности организации армий и эффективности вооружений.

Роль организованного насилия в (гео)политике и коэволюции порядков

Охранные отряды (гвардии), армии, полиция и спецслужбы всегда создавались и реформировались как структуры, обеспечивавшие заботы правителей и элит, гораздо реже — низовых сообществ. Поскольку все структуры создаются из имеющихся ингредиентов, следует учитывать наряду с тривиальными (материальными, людскими) также те, что труднее выявляются и концептуализируются: привычные социальные отношения (вертикальные и горизонтальные), правила, образцы структур с механизмами взаимодействий, правилами, стандартами, даже терминологией, заимствованными у соседей, из референтных обществ и т. д.

Универсальными для всех государств являются забота об укреплении внешней безопасности, могущества, внутреннего мира с монополией на легитимное насилие, о пресечении сепаратизма и распада. Внешние завоевания и внутренние репрессии в настоящее время делегитимированы в моральном, политическом и правовом аспектах, но отнюдь не прекращаются, пусть и прикрываются эвфемизмами («гуманитарные интервенции», «принуждение к миру», «защита порядка, образа жизни, стабильности» и т. п.).

Здесь нас интересуют глубинные источники соответствующих вызовов и забот, а также механизмы, посредством которых развивающиеся структуры организованного насилия и типы контроля над ними участвуют в тех или иных векторах социальной эволюции.

Главными источниками вызовов и забот в геополитике являются сами войны, угрозы нападения извне и открывающиеся возможности разного рода приобретений посредством военных операций. Сложные и разнообразные причины войн — отдельная проблемная область (Джервис, 2022; Розов, 2003).

Во внутренней политике типичными их источниками оказываются угрозы социальных беспорядков, мятежей, социальных революций, сепаратизма, а также организованная преступность. Сами мятежи и революции — это результаты падения легитимности власти и режима, последующих неадекватных ответов на эти вызовы со стороны правителей и элит. В периоды кризиса прежних порядков, подъема групп и движений, прокламирующих новые социальные и политические идеи, силовые структуры в разных условиях либо самоблокируются, либо встают на сторону этих движений, либо раскалываются, что чревато гражданскими войнами (Malešević, 2017; Лахман, 2021: 282–286; Handbook of Revolutions..., 2022; Баунов, 2023).

Принципы динамики практик насилия

Множество разнообразных практик индивидуального и организованного насилия появлялись, распространялись, запрещались и угасали, хотя, пожалуй, ни одна не исчезла окончательно. Назовем только самые известные: каннибализм, охота за головами, снятие скальпов, человеческие жертвоприношения, набеги и гра-

бежи, войны и завоевания, разрушение жилищ, уничтожение запасов, полей, децимация (принуждение к групповому убийству каждого выбранного по жребию из десяти солдат), публичные казни и демонстративные пытки, общественное унижение с клетками, побоями, забрасыванием камнями, оплевыванием, порабощение и работорговля, этнические чистки и геноцид, вендетта, убийства чести, дуэли, тюремное заключение, избиения, групповые изнасилования в тюрьмах и других местах, из которых нельзя выйти, терроризм.

Заметим, что каждая из этих пренеприятных практик в свое время была социально одобряема, многие имели статус нормативно обязательных, а некоторые и до сих пор используются государствами как для дисциплинирования своих граждан, так и для борьбы с другими государствами.

Почему же одни практики почти исчезли, считаются неприемлемым кошмарным поведением, другие же широко распространены и воспринимаются как нормальные, даже необходимые?

Представим набор гипотез, обобщающих социологические и исторические наблюдения (Элиас, 2001; Норт, Уоллис, Вайнгаст, 2011; Коллинз, 2015; Malešević, 2017).

- *Условия появления новых практик насилия.* При возникновении вызова-угрозы или вызова-возможности, когда активизация имеющихся ответных стратегий и обеспечивающих структур показала их бесполезность, при наличии или появлении в арсенале ингредиентов насильственной практики, или чужих, или используемых в крайних случаях практик, при наличии или создании идейных оснований для оправдания насилия (прежде всего для дискредитации, ментального отчуждения его потенциальных жертв), а также при положительном подкреплении первых опытов применения (Скиннер, 2007), *новые практики насилия*, связанные с ними отношения, институты, организации становятся *ответной стратегией* на все подобные вызовы и *главной обеспечивающей структурой* для соответствующих предметов заботы. Это относится как к индивидуальному, так и к организованному насилию.
- *Устойчивость воспроизводства практик организованного насилия* предполагает следующие условия: предметы заботы, особенно значимые для элит и влиятельных групп, *успешно поддерживаются* такими практиками; доминирующее в обществе мировоззрение (религия, идеология, система ценностей) *оправдывает* принятые практики организованного насилия и дискредитирует, дискриминирует по тем или иным признакам его потенциальные жертвы; институты и организации, осуществляющие насилие, *богаты ресурсами, легитимны, интегрированы с элитами.*
- *Расширение функциональности практик организованного насилия.* При ресурсном богатстве соответствующих организаций, при налаженных структурах организационного строительства, рекрутирования и подготовки кадров; при появлении новых вызовов-угроз и вызовов-возможностей, напряжений, издержек, а также недостаточно обеспеченных в социальном

порядке предметов заботы, *практики организованного насилия апробируются в качестве ответных стратегий*, а при успехе (положительном подкреплении) и при получении идейного обоснования применения насилия эти практики становятся обеспечивающими структурами для поддержания все более широкого круга предметов заботы.

- *Условия установления ограничений и запретов на практики насилия.* При появлении идей, противоречащих принятым практикам насилия, и при политическом выигрыше вооружившейся этими идеями коалиции, экономические, престижные властные, геополитические интересы которой также противоречат допущению этих практик, будут введены соответствующие ограничения и запреты.
- *Свертывание ранее распространенных практик насилия* происходит при сочетании следующих условий:
 - возросли *издержки* привычных практик насилия, зачастую связанные с их противоречием новым идеям, образцам поведения, когда *установки неприятия* таких практик (появление которых требует специального объяснения) делегитимируют их исполнителей и заказчиков;
 - найдены успешные *альтернативные ответные стратегии* и обеспечивающие структуры, позволяющие поддерживать предметы заботы без этих практик;
 - *дискредитированы институты и разрушены организации*, реализовавшие эти практики, найдены места для их персонала;
 - созданы организации, способные к эффективным практикам *слежения, контроля и санкций за рецидивы* осуществления криминализованных практик насилия.

Итак, каждая практика насилия, продолжительное время входившая в некоторый социальный порядок, была по-своему функциональна; соответственно, условия ее появления, распространения, угасания можно сопоставить с вышеизложенными принципами, тем самым проверив их на валидность.

Издержки роста силовых структур и заботы контроля над ними

Универсальной эвристикой для понимания причин исторической динамики является накопление издержек от функционирования обеспечивающих структур и достижение критических уровней напряжений — вызовов-угроз, которые требуют ответов. Укажем здесь только на два главных типа издержек роста организованного насилия.

Во-первых, силовые структуры способны быстро расходовать материальные и людские ресурсы (особенно в войнах), они постоянно требуют пополнения. В условиях гонки вооружений (надежды на прекращение которой оказались призрачными) все больше финансовых и интеллектуальных ресурсов приходится тратить на технологическое развитие в этой сфере, что связано с ростом напря-

жений в других сферах (бюджетные дефициты, недовольство элит и населения из-за повышения налогов). Если же не заполнять растущие прорехи и отставать в современных вооружениях, то увеличиваются угрозы внешней агрессии и риски проигрыша в конфликтах (Parker, 1988; Downing, 1992; Мак-Нил, 2008).

Во-вторых, лица, занимающие высшие позиции (военные или полицейские посты) в структурах насилия, нередко обретают свою субъектность, т. е. начинают осознавать собственные интересы. Для них подведомственный потенциал насилия становится вызовом-возможностью прежде всего для достижения более высоких политических позиций (вплоть до захвата верховной власти) и личного обогащения (варианты силового отъема чужих благ, ресурсов, производительных мощностей, активов, финансовых потоков и проч.) (Malešević, 2017; Манн, 2018).

Таким образом, правители, властные элиты получают *производную заботу контроля за своими структурами насилия и их руководством*, для чего, в свою очередь, заимствуются, складываются соответствующие практики и структуры контроля: отчетность, прокурорские проверки, «чистки», внутренние службы надзора, возможность для гражданских инспекций, поощрение доноительства, управляемые конфликты между силовыми ведомствами и т.п. Спорадически происходящие глубокие кризисы, перевороты, совершенные армейскими лидерами и/или при участии спецслужб, полиции, каждый раз указывают на слабость и провал таких структур контроля (Handbook of Revolutions..., 2022; Баунов, 2023).

Широкие колебания, связанные с ростом структур насилия, соответствующим ростом издержек и различиями в эффективности контроля, образуют драматические волны в судьбах империй и больших воинственных государств, нередко их распад и гибель (большинство империй, СССР), но иногда достаточно долгий период успешного развития (Британская империя XVII–XX веков, США с XVIII века, возможно, обновленный Китай в будущем).

Выделим основные типы контроля над силовыми структурами со стороны правителей и бюрократии со следующим (нестрогим) основанием: контроль осуществляется: а) за счет личной приверженности правителю, б) за счет управляемого конфликта и устрашения, в) за счет уважения к правилам, питаемого заботой о престиже и безопасности. Перечень оснований и соответствующих типов заведомо не полный. В реальных порядках обычно есть смешение черт разных типов, но каждый из трех основных должен быть описан как некая целостность («идеальный тип»).

Патримониально-харизматический контроль

Здесь правитель (монарх, духовный лидер, народный вождь, избранный президент) предстает как «отец народа». Руководители армии, полиции, прочих силовых структур имеют личные отношения с правителем, в большей или меньшей степени испытывая к нему «сыновние» чувства.

Надежность этих отношений во многом определяется качествами правителя, который хоть в какой-то мере должен быть харизматичным. Иначе какое же к нему можно чувствовать почтение? Как видим, здесь сочетаются два веберовских концепта: *патримония* — способ управления страной как собственным домом, хозяйством, и личная *харизма* — одно из оснований политической легитимности. Неявным образом присутствует и традиционный тип легитимности, поскольку почтение к «отцу» и приверженность «законному монарху» имеют опору в принимаемой традиции: «так уж заведено, так было издавна, потому так и должно быть».

Контроль над структурами насилия здесь обеспечивается за счет внутренних установок «сыновнего» почтения и послушания, когда «предательство отца», тем более «отцеубийство», считаются худшими и позорнейшими из грехов.

Данный тип контроля самый древний и самый «естественный», но в нем присутствует внутренняя сложность и потенциальная динамика. Далекое не каждый правитель является харизматиком. Когда личная слабость правителя в этом плане совпадает с сильными структурными напряжениями и политическим кризисом, главы силовых структур перестают защищать его, поскольку «царь — ненастоящий».

В той же логике сильный харизматичный вождь, военачальник задает новый паттерн отношений «отец — почитающие его дети». Поэтому он имеет лучшие шансы основать новую династию, которая существует до тех пор, пока воспроизводится в поколениях этот эмоциональный паттерн, особенно когда он поддержан почтением к монархической традиции, религией и внушительными ритуалами.

Вплоть до легитимации и широкого распространения парламентов и республик (середина XIX — начало XX века) патримониальный тип контроля был преобладающим, притом что все больше дополнялся бюрократическим.

Конфликтно-репрессивный контроль

Известная управленческая стратегия «разделяй и властвуй» состоит в создании управляемого конфликта между силовыми структурами: армией, полицией, спецслужбами, которые могут быть поделены на еще более мелкие функциональные ведомства (личная гвардия, разведка, контрразведка, тайная полиция, жандармерия, всевозможные «штурмовики», «казацьи дружины» и т.п.).

Правитель со своим доверенным окружением берет на себя роль «верховного рефери», поощряя рвущихся к большей власти на взаимную борьбу, слежку и доносы. Так обеспечивается одна из важнейших забот правителя и его ближайшего круга — предотвращение заговоров. Кроме того, роль «рефери» позволяет держать в узде каждую группу, осаживая все попытки доминирования и захвата силовой монополии. Разумеется, свою роль играют уставы, формальное распределение полномочий, законы, санкции за их нарушения, но не эти нормативные, право-

вые рамки (бюрократические средства) обеспечивают данный порядок. Вынесем их за скобки и представим данный способ контроля как «идеальный тип».

Добавление в его название компонента «репрессивный» указывает на то, что для собственно «осаживания» также необходима сила, способная эффективно устрашать вышедших из милости и тем более — из подчинения. Эта сила, обычно формируемая на основе некоей личной охранной гвардии — аналога преторианцев, янычар или опричников, — не может быть слишком обширной и разветвленной. Здесь как раз обычно присутствует ограниченный по размеру анклав патримониально-харизматического контроля.

Поскольку сил личной гвардии часто не хватает, необходимые репрессии или акции устрашения осуществляются с опорой на т.н. *принудительную коалицию* большинства остальных структур насилия (Collins, 2008). Суть последней состоит в том, что для руководства каждой из них безопаснее оставаться в большой лояльной коалиции, чем отваживаться на фронду, рискуя остаться в меньшинстве, хуже того — в изоляции с неминуемым суровым наказанием вплоть до лишения жизни.

Как видим, принудительная коалиция держится на убежденности каждого участника в том, что при кризисе, конфликте, неясности самое надежное — сохранять лояльность правителю. Такая убежденность — важнейший компонент обеспечения безопасности правителя и стабильности его режима, поэтому вполне рациональным и оправданным следует считать отчасти целенаправленно создаваемый, отчасти «естественно» складывающийся «культ вождя» с ритуалами поклонения, вездесущими портретами, миллионными тиражами проповедей, речей, мемуаров, прижизненными памятниками и т.п. Так тираны и диктаторы с тем или иным успехом пытаются предстать в роли «отца народа», то есть дополнить контроль устрашения и «разводок» патримониально-харизматическим контролем.

Установки страха и лояльности, убежденности силовых руководителей в том, что оставаться членом принудительной коалиции — наиболее безопасная стратегия, должны поддерживаться специальными механизмами. Таковыми являются известные интерактивные ритуалы (Гофман, 2009; Collins, 2004): парады, коллективное прослушивание политических речей, награждение орденами, титулами и т.п. К менее очевидным ритуалам следует отнести систематическое лицезрение портретов и бюстов правителя во всех начальственных кабинетах, огромные портреты «любимого вождя» на улицах.

Даже при успехе такого ритуально-эмоционального обеспечения контроля оказываются необходимыми пусть не регулярные, но спорадические репрессии от «показательных пороков» до «чисток». Устрашающие репрессии в отношении недостаточно лояльных, «берущих не по чину», зарвавшихся в своих политических амбициях представителей силовых структур являются эффективными дисциплинирующими ритуалами. При отсутствии этих практик «люди теряют страх», что затрудняет сохранение баланса, лояльности и надежного потенциала верховной власти над «пауками в банке».

Успешное сохранение контроля в этой перманентно тревожной, наполненной взаимным недоверием, страхами, ненавистью, подсиживанием, доносами обстановке требует особого склада характера правителя, умелого владения приемами манипуляций, провокаций, подкупа, шантажа и т.п. Если при таком типе контроля диктатор долгое время сохраняет власть, значит, он имеет редкие, специфические способности и приобретенные навыки.

Понятные издержки данного типа правления состоят в том, что персоналистский режим неминуемо переживает кризис и радикальную трансформацию после ухода правителя. Тому, кто займет его место, придется находить и ставить «своих людей» на ключевые посты в структурах насилия, заново выстраивать отношения лояльности, обеспечивать баланс, провоцировать управляемые конфликты и т. д.

Конфликтно-репрессивный контроль получил широкое применение в обществах зрелой государственности, особенно в империях с султанистскими и диктаторскими режимами. Он остается основным и в современных авторитарных режимах милитаристского, коммунистического, фашистского типов.

Варианты бюрократического контроля

Суть такого контроля состоит не только в формализованности позиций, правил взаимодействия внутри силовых структур и вокруг них, но также в действительной реализации такого социального порядка, что возможен лишь благодаря внутреннему принятию участниками всех этих норм, т. е. «прилаженности» ментального порядка к социальному. Иными словами, бюрократичность не остается внешней навязанной средой, которую можно обходить и обманывать ради личных или клановых интересов, а проникает в установки и габитусы каждого военного и чиновника.

При сходстве всех бюрократий в аспектах формальности, иерархичности, обилию документации, инерционности и проч., они различаются в плане относительного веса *принципа власти* и *принципа права*. Грубо говоря, при разрешении конфликтных ситуаций главная роль принадлежит либо решениям начальства, либо выполнению всеми сторонами принятых законов, даже если это начальству не выгодно.

В авторитарных режимах на верхних этажах иерархии господствует принцип власти, однако для дисциплинирования средних и нижних слоев чиновников и военных правители и элиты нередко опираются на формальные правила, могут даже наказывать руководителей среднего звена «по закону». Всевозможные внутренние службы контроля, расследовательские комиссии, закрытые разбирательства осуществляют такие функции.

В консолидированных демократиях (обществах открытого доступа) обычно прокламируется верховенство права, подчиненность ему силовых структур и даже руководства высших уровней власти. При внешнем сходстве бюрократиче-

ского контроля (проверки, комиссии, расследования) различие состоит в большей открытости разбирательств в судах и трибуналах, в более широком участии в них представителей разных ведомств, оппозиции, прессы, чтобы вердикт определялся не начальственной волей, а законом. Собственно, в этом и состоит роль контроля над силовыми структурами со стороны гражданского общества, свободной прессы, независимой судебной системы.

Увы, далеко не всегда верховенство права удается реализовывать, особенно в закрытых от общественности сферах, таких как спецслужбы, секретные разработки, связи генералитета с высокими властными кабинетами, большим бизнесом и т.п. «Железный закон олигархии» Р. Михельса никому не удается «отменить», поэтому его эффект всегда проявляется и растет при каждом ослаблении «сдержек и противовесов», правовой культуры участников, внешних социальных сил, защищающих принцип права.

Социальные и ментальные основы верховенства права в структурах государственного насилия

Выборность шерифов, мировых судей, контроль со стороны оппозиционных партий, прессы, общественных организаций, возможность привлечения к суду любого военного или полицейского начальника — все эти характеристики отражают специфику институтов контроля над силовыми структурами в обществах открытого доступа.

Почему такой порядок вообще жизнеспособен? Ведь для ключевых участников, а именно для руководства, офицерского состава и рядовых исполнителей в армии, полиции, спецслужбах такие рамки, мягко говоря, не комфортны.

Действительно, бюрократические правила и правовые нормы представляют собой постоянно висящие угрозы санкций — лишения карьерных перспектив, должностей с прилагающимися благами, а то и свободы. Эти санкции накладываются прежде всего за незаконное применение полученных силовых ресурсов: оружия, подчиненных боевых отрядов, возможностей угрожать, использования личной или коммерческой информации, полученной благодаря особому доступу к ней, и т. д. Жаждающий поставлен рядом с живительной властью, а воспользоваться положением строго запрещено — кому же это понравится?

Если в какой-то степени в некоторых обществах правовой порядок действует и эффективно сдерживает незаконные поползновения обладателей силовых ресурсов, значит, помимо страха наказания есть иные и достаточно мощные ментальные факторы, смиряющие этих обладателей с этим порядком. Конечно же, речь должна идти о «правовой культуре», «правовом сознании», «ценностях», «идеалах», «сознательности», «чести», «совести», «чувстве долга» и подобных прекрасных вещах. Их природу составляют внутренние ментальные установки (и их комплексы — габитусы), которые отнюдь не «естественны», но должны специально воспитываться и поддерживаться в каждом поколении.

Механизмом формирования и укрепления установок являются опять же интерактивные ритуалы (Гофман, 2009; Collins, 2004), причем содержащие свои сакральные символы. Разумеется, моральная и правовая индоктринация в профессиональном обучении, душевспасительные речи и беседы играют свою роль. Нельзя отрицать, что такие ценности, как «демократия», «верховенство права», «справедливость», «конституция», становятся для некоторых руководителей, офицеров, рядовых силовых структур святынями, принятыми в качестве внутренних регулирующих поведение установок.

Более распространенным и надежным представляется воспитание в ритуалах установок идентичности с символами из смыслового гнезда «честная служба» и «выполнение долга». Весьма эффективными являются обсуждения случаев наказания за нарушения, особенно если они подтверждают справедливость норм и правомерность санкций.

Крепость таких установок во многом зависит от надежности их связи с «воздаянием»: доходом, качеством жизни, социальным статусом, которые считаются «достойными», а также с перспективами карьерного роста и достойного пенсионного обеспечения. Грубо говоря, таковы компенсации за вынужденное блокирование противоправных поползновений в применении своих силовых ресурсов.

Лучший способ использования политических амбиций генералов — открытые пути для институциональной борьбы за высокие статусные позиции депутатов, сенаторов, членов престижных и влиятельных комитетов и вплоть до высших постов верховной власти. Если «честная служба» для генералов, офицеров, исполнителей явно не конвертируется в открытость карьерных каналов, в достойные статусы и благосостояние, то и верность правовым принципам вполне может претерпевать коррозию.

Правовой принцип контроля очень непросто воплотить в жизнь, далеко не всегда это удается. Даже налаженный механизм не может работать «сам собой» как заведенные часы, он требует внимания, отладки, особых способностей и установок у всех участников взаимодействий: от кадровиков до журналистов, судей и сотрудников неизбежных служб внутренней безопасности. При долгом успешном функционировании такого порядка контроля, при смене поколений следует ожидать повышения надежности. Сложность налаживания механизма и первоначальная хрупкость с лихвой компенсируются стабильностью при смене верховной власти, отсутствием страха произвола, психологической атмосферой надежности устоев и взаимного доверия.

Проведенный теоретический анализ развития структур и практик организованного насилия как одного из важнейших компонентов социальной эволюции позволил сформулировать общие закономерности и механизмы макроисторических изменений. Соответствующие положения отчасти основываются на классических макросоциологических, политологических парадигмах и ранее сделанных обобщениях, но, сохраняя гипотетический статус, нуждаются в систематической эмпирической проверке и уточнении.

Литература

- Баунов А. (2023). Конец режима. Как закончились три европейские диктатуры. М.: Альпина Паблишер.
- Гофман Э. (2009). Ритуал взаимодействия: Очерки поведения лицом к лицу / Пер. с англ. Н. Н. Богомоловой, Д. А. Леонтьева. М.: Смысл.
- Джервис Р. (2022). Восприятие и неверное восприятие в международной политике / Пер. с англ. Т. Ованнисяна. М.: Центр анализа стратегий и технологий.
- Додни Д. (2003). Геополитика как теория: исторический материализм безопасности / Пер. с англ. Ю. Б. Вертгейм // Война и геополитика / Н. С. Розов (ред.). Альманах «Время мира». Вып. 3. Новосибирск: НГУ. С. 344–381.
- Карнейро Р. (2006). Теория происхождения государства // Раннее государство, его альтернативы и аналоги / Л. Е. Гринин (ред.). Волгоград: Учитель. С. 55–70.
- Коллинз Р. (2015). Макроистория. Очерки социологии большой длительности. М.: УРСС.
- Лахман Р. (2021). Государства и власть. М.: Дело.
- Манн М. (2018). Источники социальной власти. Том 1. М.: Дело.
- Модельски Дж. (2003). Объяснение долгих циклов в мировой политике: основные понятия // Война и геополитика / Н. С. Розов (ред.). Альманах «Время мира». Вып. 3. Новосибирск: НГУ. С. 455–485.
- Норт Д., Уоллис Дж., Вайнгаст Б. (2011). Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. М.: Издательство Института Гайдара.
- Раев М. (2000). Регулярное полицейское государство и понятие модернизма в Европе XVII–XVIII веков: попытка сравнительного подхода к проблеме // Американская русистика. Императорский период / Д. Дэвид-Фокс (ред.). Самара: Самарский университет. С. 48–79.
- Розов Н. С. (2003). Война всегда рядом: сущность и происхождение массового организованного насилия // Война и геополитика / Н. С. Розов (ред.). Альманах «Время мира». Вып. 3. Новосибирск: НГУ. С. 75–120.
- Скиннер Б. (2007). Радикальный бихевиоризм. М.: Еврознак.
- Тилли Ч. (2009). Принуждение, капитал и европейские государства. 1990–1992 гг. М.: Территория будущего.
- Филиппов А. Ф. (2012). Полицейское государство и всеобщее благо: к истории одной идеологии. Статья первая // Отечественные записки. № 2. С. 328–340.
- Элиас Н. (2001). О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. Т. 1, 2 / Пер. с нем. А. М. Руткевича. М.–СПб.: Университетская книга.
- Carneiro R. (1970). Scale Analysis, Evolutionary Sequences, and the Rating of Cultures. A Handbook in Cultural Anthropology / ed. R. Naroll & R. Cohen. New York: Natural History Press, Garden City. P. 834–871.
- Collins R. (2004). Interaction Ritual Chains. Princeton & Oxford: Princeton University Press.

- Collins R.* (2008). *Violence: A Micro-Sociological Theory*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Downing B. M.* (1992). *The Military Revolution and Political Change: Origins of Democracy and Autocracy in Early Modern Europe*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Handbook of Revolutions in the 21st Century. The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change (2022). Eds. J. A. Goldstone, L. Grinin, A. Korotayev. Springer Nature Switzerland.
- Malešević S.* (2017). *The Rise of Organised Brutality: A Historical Sociology of Violence*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Münkler H.* (2007). *Empires: The Logic of World Domination from Ancient Rome to the United States*. Polity Press.
- Parker G.* (1988). *The Military Revolution: Military Innovation and the Rise in the West*. New York: Cambridge University Press.
- Popitz H.* (1992). *Phänomene der Macht*. Tübingen: Mohr.
- Turchin et al.* (2022) Disentangling the Evolutionary Drivers of Social Complexity: A Comprehensive Test of Hypotheses // *Science Advances*. № 8(25). P. eabn3517.
- World Population Prospects: Summary of Results. United Nations Department of Economic and Social Affairs, Population Division (2022). UN DESA/POP/2022/TR/NO. 3. URL: https://www.un.org/development/desa/pd/sites/www.un.org.development.desa.pdf/files/wpp2022_summary_of_results.pdf

The Growth of Organized Violence Structures and the Types of Control over them

Nikolai S. Rozov

Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher of the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Professor of the Department of International Relations of Novosibirsk State Technical University.

Address: Nikolaeva str., 8, Novosibirsk, Russian Federation 630090

E-mail: nrozov@gmail.com

Macro-historical changes in the practices and structures of organized violence have their own regularities that require theoretical analysis. It is shown that the steady growth and development of these structures are determined by the main trends of social evolution such as demographic growth, the expansion and complication of polities, and the development of technologies and weapons. The internal mechanisms of both the cyclicity and the direction and irreversibility of these changes are considered. The practices of organized violence have changed considerably, and many of those unacceptable today were once common, socially approved, and even obligatory. Hypothetical principles have been formulated for the emergence, spread, and termination of such practices, which are always connected with the nature and outcome of political struggle, as well as with the change of worldviews consisting of primarily moral, social and political values and corresponding normative principles. The inevitable costs of the growth of violence structures are associated primarily with the possibility of their leaders gaining political subjectivity and claims

to power, which is fraught with conspiracies, revolts, and similar phenomena that undermine social and political stability. These costs generate concerns of the rulers and elites to control the violence structures. Three basic forms of such control have been described as “ideal types”, those of patrimonial-charismatic control based on emotional commitment to the ruler, conflict-repressive control with divide-and-conquer strategies, and bureaucratic control involving subordination to formal rules. The last type includes two versions, with a reliance on the principle of power and on the principle of law. The social and mental foundations that support the rule of law in institutions and organizations of state violence are examined.

Keywords: organized violence, power structures, social evolution, practices of violence, control over violence structures, bureaucracy, patrimony, charisma, rule of law

References

- Baunov A. (2023) *Konets rezhima. Kak zakonchilis' tri evropeiskie diktatury* [The End of the Regime. How Three European Dictatorships Ended], Moscow: Al'pina Publisher.
- Carneiro R. (1970) Scale Analysis, Evolutionary Sequences, and the Rating of Cultures. *A Handbook in Cultural Anthropology* (ed. R. Naroll & R. Cohen), New York: Natural History Press, Garden City, pp. 834–871.
- Carneiro R. (2006) *Teoriya proiskhozhdeniya gosudarstva* [A Theory of the Origin of the State]. *Rannee gosudarstvo, ego al'ternativy i analogi* [The Early State, Its Alternatives and Analogues] (ed. L. Grinin), Volgograd: Uchitel', pp. 55–70.
- Collins R. (2004) *Interaction Ritual Chains*, Princeton & Oxford: Princeton University Press.
- Collins R. (2008) *Violence: A Micro-Sociological Theory*, Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Collins R. (2015) *Makroistoriya. Ocherki sotsiologii bol'shoi dlitel'nosti* [Macrohistory: Essays in Sociology of the Long Run], Moscow: URSS.
- Dodny D. (2003) Geopolitika kak teoriya: istoricheskii materializm bezopasnosti [Geopolitics as Theory: Historical Materialism of Security]. *Voina i geopolitika. Al'manakh «Vremya mira», vyp. 3*, [War and Geopolitics. Almanac “The World Time”, Vol. 3.] (ed. N. Rozov), Novosibirsk, Novosibirsk State University, pp. 344–381.
- Downing B. M. (1992) *The Military Revolution and Political Change: Origins of Democracy and Autocracy in Early Modern Europe*, Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Elias N. (2001) *O protsesse tsivilizatsii. Sotsiogeneticheskie i psikhogeneticheskie issledovaniya*, tt. 1, 2 [The Civilizing Process: Sociogenetic and Psychogenetic Investigations, Vol. 1, 2], Moscow — Sankt Petersburg: Universitetskaya kniga.
- Filippov A. F. (2012) Politseiskoe gosudarstvo i vseobshchee blago: k istorii odnoi ideologii. Stat'ya pervaya [The Police State and the Common Good: To the History of One Ideology. Article one]. *Otechestvennye zapiski*, no 2, pp. 328–340.
- Goffman E. (2009) *Ritual vzaimodeistviya: Ocherki povedeniya litsom k litsu* [Interaction Ritual: Essays on Face-to-Face Behavior], Moscow: Smysl.
- Handbook of Revolutions in the 21st Century. The New Waves of Revolutions, and the Causes and Effects of Disruptive Political Change* (2022) (eds. J. A. Goldstone, L. Grinin, A. Korotayev (eds)), Springer Nature Switzerland.
- Jervis R. (2022) *Vospriyat' i nevernoe vospriyat' v mezhdunarodnoi politike* [Perception and Misperception in International Politics], Moscow: Tsentr analiza strategii i tekhnologii.
- Lachmann R. (2021) *Gosudarstva i vlast'* [States and Power], Moscow: Delo.
- Malešević S. (2017) *The Rise of Organised Brutality: A Historical Sociology of Violence*, Cambridge: Cambridge University Press.
- Mann M. (2018) *Istochniki sotsial'noi vlasti. Tom 1* [Sources of Social Power. Vol. 1], Moscow: Delo.
- Modelsky J. (2003) Ob“yasnenie dolgikh tsiklov v mirovoi politike: osnovnye ponyatiya [Explaining long cycles in world politics: basic concepts] *Voina i geopolitika. Al'manakh «Vremya mira», vyp. 3*, [War and Geopolitics. Almanac “The World Time”, Vol. 3.] (ed. N. Rozov), Novosibirsk, Novosibirsk State University, pp. 455–485.
- Münkler H. (2007) *Empires: The Logic of World Domination from Ancient Rome to the United States*, Polity Press.

- North D., Wallis J., Weingast B. (2011) *Nasilie i sotsial'nye poryadki. Kontseptual'nye ramki dlya interpretatsii pis'mennoi istorii chelovechestva* [Violence and Social Orders. A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History], Moscow: Institut Gaidara.
- Parker G. (1988) *The Military Revolution: Military Innovation and the Rise in the West*, New York: Cambridge University Press.
- Popitz H. (1992) *Phänomene der Macht*, Tübingen: Mohr.
- Raëff M. (2000) Regul'yarnoe politseiskoe gosudarstvo i ponyatie modernizma v Evrope XVII–XVIII vekov: popytka sravnitel'nogo podkhoda k probleme [The Well-Ordered Police State and the Development of Modernity in Seventeenth and Eighteenth Century Europe: An Attempt at a Comparative Approach]. *Amerikanskaya rusistika. Imperatorskii period* [American Russian Studies. The Imperial Period] (ed. D. Devid-Foks), Samara: Samarskii universitet, pp. 48–79.
- Rozov N. S. (2003) Voina vsegda ryadom: sushchnost' i proiskhozhdenie massovogo organizovannogo nasiliya [War is Always Near: The Essence and Origin of Mass Organized Violence] *Voina i geopolitika. Al'manakh «Vremya mira», vyp. 3*, [War and Geopolitics. Almanac "The World Time", Vol. 3.] (ed. N. Rozov), Novosibirsk, Novosibirsk State University, pp. 75–120.
- Skinner B. (2007) *Radikal'nyi bikhevizm* [Radical Behaviorism], Moscow: Evroznak.
- Tilly Ch. (2009) *Prinuzhdenie, kapital i evropeiskie gosudarstva. 990-1992 gg.* [Coercion, Capital, and European States. 990-1992], Moscow: Territoriya budushchego.
- Turchin et al. (2022) Disentangling the Evolutionary Drivers of Social Complexity: A Comprehensive Test of Hypotheses. *Science Advances*, 8(25): eabn3517.
- World Population Prospects: Summary of Results. United Nations Department of Economic and Social Affairs, Population Division* (2022). UN DESA/POP/2022/TR/NO. 3. URL: https://www.un.org/development/desa/pd/sites/www.un.org.development.desa.pd/files/wpp2022_summary_of_results.pdf